

Цам Калачакры и цам Докшитов в Бурятии: современные адаптации и интерпретации

Жаргал А. Аякова

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, Российская Федерация

В статье анализируются два вида тибетской традиции цам: цам Калачакры и цам Докшитов, восстановленных и практикуемых в Бурятии после длительного перерыва в советское время. Рассмотрены особенности их современных адаптаций и способы мировоззренческих интерпретаций. Основными материалами анализа выступили церемонии, которые автор наблюдал и исследовал: цам Калачакры в Дуйнхор дацане в г. Улан-Удэ в апреле 2024 г., и цам Докшитов — в Сартуул-Булагском дацане Джидинского района в сентябре 2024 г. Также автор опирался на буддийские трактаты, буддологические исследования и др.

Основой рассмотрения мистерий стал факт, что возрождение традиции цам в Бурятии в постсоветский период осуществлялось под руководством тибетских учителей в соответствии с канонами. В целях обучения и подготовки монахов был учреждён тантрический факультет при Буддийском университете «Даши Чойнхорлин», а для практики учений и проведения цам был возведен Дуйнхор (Калачакра) дацан.

Исследование показывает, что цам Калачакры и цам Докшитов, сохраняя свои мировоззренческие основы, адаптируются к современным реалиям, способствуют пониманию буддийского учения, его передаче и посвящениям, укрепляют основы буддийского вероучения. Традиция цам как важный элемент буддийской практики, несомненно, вносит важный вклад в формирование буддийского мировоззрения, раскрывая ключевые идеи о пустоте и сострадании, карме и перерождении.

Ключевые слова: буддизм; махаяна; ваджраяна; гелуг; цам Калачакры; цам Докшитов; Дуйнхор дацан; Бурятия

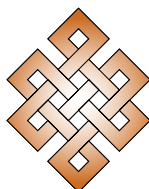
Для цитирования:

Аякова Ж. А. Цам Калачакры и цам Докшитов в Бурятии: современные адаптации и интерпретации // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 469–486. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.25>

Аякова Жаргал Аюшиевна — доктор философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных наук, рекламы и туризма Бурятской государственной сельскохозяйственной академии имени В. Р. Филиппова. Адрес: 670024, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8. Эл. адрес: azhargal@yandex.ru

AIKOVA, Zhargal Ayushieva, Doctor of Philosophy, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Advertising and Tourism of the Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov. Postal address: 8 Pushkin Str., Ulan-Ude, 670024, Russia. E-mail: azhargal@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7332-5952

BUDDHIST WORLD

Article

Kalachakra tsam and Dokshitov tsam in Buryatia: Contemporary Adaptations and Interpretations

Zhargal A. Aiakova

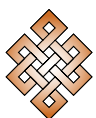
Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Russian Federation

The article analyzes two types of the Tibetan tsam tradition: the Kalachakra tsam and the Dokshitov tsam, which were revived and are practiced in Buryatia after a long interruption during the Soviet era. The study considers the features of their modern adaptations and methods of worldview interpretation. The main materials for analysis were ceremonies observed and studied by the author: the Kalachakra tsam at the Duinhor datsan in Ulan-Ude in April 2024, and the Dokshitov tsam at the Sartuul-Bulak datsan in the Dzhida district in September 2024. The author also drew on Buddhist treatises, Buddhist scholarship, and other sources.

The foundation for examining these mysteries lies in the fact that the revival of the tsam tradition in post-Soviet Buryatia was carried out under the guidance of Tibetan teachers and in accordance with canonical standards. To train and prepare monks, a tantric faculty was established at the Buddhist University "Dashi Choinkhorlin", and the Duinhor (Kalachakra) datsan was erected specifically for both study and the practice of teachings and performance of the tsam ritual.

The research demonstrates that the Kalachakra tsam and Dokshitov tsam, while maintaining their worldview foundations, are being adapted to contemporary conditions, facilitating understanding of Buddhist doctrine, its transmission, and initiations, as well as strengthening the foundations of Buddhist religious teaching. The tsam tradition, as an important element of Buddhist practice, undoubtedly makes a significant contribution to the formation of Buddhist worldview, revealing key ideas about emptiness and compassion, karma, and rebirth.

Keywords: Buddhism; Mahayana; Vajrayana; Gelug; Kalachakra tsam; Dokshitov tsam; Duinhor datsan; Buryatia

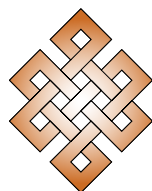
For citation:

Aiakova Zh. A. Kalachakra tsam and Dokshitov tsam in Buryatia: Contemporary Adaptations and Interpretations. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 469–486. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.25>

Введение

Тибетская традиция буддизма гелуг неразрывно связана с культовой практикой, обрядностью, ритуалами, которые позволяют в наглядной и красочной форме ретранслировать буддийское учение во всей его полноте и многогранности. Ярким примером тому служит сложное и многоаспектное ритуальное представление *цам* (монг.) (тиб. *чам* 'танец'), совершавшееся ежегодно в буддийских монастырях Тибета, Непала, Монголии, Бурятии, Тувы, других регионах распространения школы. Цам становится одним из основных религиозных служений всех буддийских школ гелуг, символизирующим победу буддийского учения над древними тибетскими верованиями. Крупные монастыри имели свой набор масок, костюмов, музыкальных инструментов. Цам обычно исполнялся во дворе монастыря с разным количеством исполнителей от 4–5 до 108 человек в зависимости от вида *цам*. Известны несколько видов *цам*: разговорный, пантомима, *цам*, посвященный разным персонажам и событиям буддийского вероучения¹. Цам может быть созерцательным, гневным, мирским.

¹ Буддизм. Словарь / под общ. ред. Н. Л. Жуковской. М., 1992. С. 264–265.

В монастырях Тибета *цам* чаще всего устраивался в связи с наступлением нового года по буддийскому календарю, в Монголии, Бурятии, Туве *цам* был приурочен к летним буддийским праздникам. Исполнять его могли посвященные монахи, незначительные роли доверялись послушникам монастыря. В течение нескольких недель в монастырях проводились специальные молебны, монахи — исполнители погружались в медитацию, идентифицируя себя с идамом буддийского пантеона. Проведение *цам* преследовало основные цели: средство просветления, способ устрашения и подавления врагов буддийского учения, подготовка верующих к тому, что ожидает человека в момент смерти в период его пребывания в состоянии *бардо*¹.

Тибетские учителя утверждают, что традиция *цам* берет свое начало от самого Будды Шакьямуни и была создана с целью помочь верующим визуализировать пантеон идамов и бодхисаттв в их разнообразных проявлениях и действиях².

Традиция появления *цам* в Тибете связана с именем индийского йогина Падмасамбхавы, исполнившего первый *цам Ваджракилы* с целью беспрепятственного сооружения первого буддийского монастыря Самье в VIII в. (Pearlman, 2002: 17–18). Свое наибольшее развитие *цам* получает в недрах школы *нынгма*, следовавшей Падмасамбхаве, которая решила проводить *цам* на публике.

V Далай-лама Нгаванг Лобсанг Гьяцо (1617–1682) после основания им тантрийского монастыря при храмовом комплексе Потала в Лхасе выбирает *цам* школы *нынгма* и пишет текст *Ваджракилы*, который стал, по существу, структурной основой всех последующих *цам*³. Так, *цам* исполнялся в тибетском монастыре — резиденции панчен-лам Дашилхумпо на основе текста, написанного V Далай-ламой (Цендина, 2018: 63). В Монголии *цам* стали проводить с XVIII в. в монастыре Эрдэни-Дзу. Он стал прочно установившейся традицией и имел разновидности, например, разговорный *цам* Милареппы, но наибольшее распространение получил *цам* Докшитов (монг. *догшин* ‘свирепый, грозный’). Другое его название *Эрлик Цам* по имени владыки смерти.

Отмечается, что в Туве *цам* распространился в конце XVIII–XIX вв. с возникновением крупных буддийских монастырей (тув. *хурээ*), в которых имелся свой набор масок, костюмов и музыкальных инструментов⁴. К началу XX в. в Туве функционировали 22 *хурээ* с численностью около 4000 чел. буддийского духовенства, что составляло 10% всего коренного населения Тувы⁵. *Цам* обычно исполнялся в середине лета в день празднования Будды Майтрея (тув. *Майдыр*) и в новогодние праздники по буддийскому календарю (Сундуй, 2014: 66, Лобсанг, Карелина, Адыгбай, 2021: 105–106; и др.⁶). *Цам* был неотъемлемой частью религиозной жизни тувинцев, причем, как отмечает М. В. Монгуш: «этот религиозный праздник в прошлом был настолько значительным по своей яркости и зрелищности, что другие на его фоне терялись и выглядели вполне обычными» (Монгуш, 2001: 116).

В XIX в. *цам* Докшитов появляется у бурят, называемый ими также *Чойжал цам* (тиб. *Чойжал* ‘защитник, хранитель учения’, в буддийском учении *Чойжал* — гневная эманация будды мудрости Манджушри), *Эрлик Номун Хан* (монг., бур. *Номун Хан* ‘царь законов’). Главными действующими лицами выступали грозные Докшиты — хранители и защитники учения и веры в их гневных воплощениях (бур. *сахуюсаны*). Первый *цам* в Бурятии был проведен в Иройском дацане в 1848 г., последний — в 1931 г. в Тамчинском (Гусиноозёрском) дацане⁷, когда религиозная деятельность в советский период оказалась под запретом.

¹ Там же.

² Мистерия Цам в Храме Калачакры Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) / фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ. [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет (Наланда). YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE> (дата обращения: 25.06.2024).

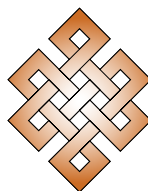
³ Лепехов С. Ю. Цам [Электронный ресурс] // Библиотека сибирского краеведения. URL: <https://bsk.nios.ru/enciklopediya/cam> (дата обращения: 29.04.2025).

⁴ Допай А. Х. М. Атрибуты буддийской мистерии «цам» в фондах Национального музея Республики Тыва // Ермолаевские чтения: материалы VII научно-практической конференции, посвященной 90-летию М. А. Дэвлет и М. Х. Маннай-оола, 95-летию А. Д. Грача в рамках Года педагога и наставника, Кызыл, 15–16 июня 2023 года. Кызыл: ПрофЛидер, 2024. С. 256.

⁵ Ондар И. О., Карелина Е. К. Буддизм в культуре и искусстве Тувы (на примере мистерии Цам) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–4 (38). С. 76.

⁶ Ондар И. О. Генезис и трансформация тувинского танца в культуре Тувы: дисс. ... канд. культурологии. Красноярск, 2016. С. 14.

⁷ Лепехов С. Ю. Цам [Электронный ресурс] // Библиотека сибирского краеведения. URL: <https://bsk.nios.ru/enciklopediya/cam> (дата обращения: 29.04.2025).

В настоящее время, когда возрождаются буддийские традиции в российском социокультурном пространстве после продолжительного антирелигиозного советского периода, *цам* вновь начинает играть заметную роль в религиозной жизни бурят, в их культурной и социальной регуляции повседневной жизни. Несмотря на то, что в тибетском буддизме существуют несколько видов *цам*, в Бурятии установились два из них: *цам* Калачакры и *цам* Докшитов.

Существует корпус научных работ по исследованию *цам*, как в Бурятии, так и в других буддийских регионах России, главным образом, представляющий общие характеристики традиции *цам*, где основной акцент делался на его театральность и зрелищность (Владимирцов, 1923; Жигмитова, 2017; и др.¹). Вместе с тем становится очевидной необходимость их дополнения более глубоким исследованием мировоззренческих аспектов, выявлением связей с каноническими текстами, системным анализом отдельных видов *цам*, а именно *цам* Калачакры и *цам* Докшитов, установившихся в буддийских регионах России в досоветский период.

В советский антирелигиозный период *цам* как религиозная служба постепенно исчезает из ритуальной практики буддийских монастырей и вскоре стал упоминаться как «ныне исчезнувшая танцевальная мистерия» (Жуковская, 2013: 449). Элементы *цам* воспроизводились в светской форме в качестве театрализованных постановок и концертных номеров, но об их исходной цели — постижение буддийского учения и достижение просветления² — не могло быть и речи. *Цам* стал восприниматься как «театральное представление», «танец гневных божеств», «пантомимой и пляской масок», смысл которых сводился к победе добра над злом. Таким образом, в советский период *цам* как культовый феномен тибетского буддизма прекратил свое существование в буддийских регионах России, а его «театральный реквизит» (маски, костюмы, музыкальные инструменты, ритуальные атрибуты) стал достоянием музеев.

Возрождение традиции *цам* в Бурятии после длительного перерыва в советское время началось под руководством тибетских наставников и стало важным и знаковым событием. В Бурятии для проведения *цам* Калачакры в 1997 г. был возведен специальный монастырь — Дуйнхор дацан, посвященный идаму Калачакра. Один из выдающихся тибетских мастеров Калачакра тантры Агван Жамцо был приглашен для обучения и передаче учения *цам* бурятским ламам³.

В 2010 г. состоялся первый *цам* Калачакры (тиб. *Дуйнхор* 'колесо времени')⁴, а в 2011 г. — первый *цам* Докшитов⁵. Целью *цам* Калачакры (ламы в коронах, например, с изображениями пяти дхьяни-будд) является построение мандалы и призывание идамов в процессе медитативного танца — подношения. *Цам* Докшитов (ламы в масках гневных идамов, животных и т. д.) демонстрирует беспощадную борьбу с невежеством и врагами веры. Эти уникальные тантрические служения в форме танца изначально предназначались для посвященных лам и считались тайными действиями, но со временем они были адаптированы и стали открытыми для публики. Поэтому во время *цам* присутствующим объясняются общий смысл и значение на русском и бурятском языках.

Цель данного исследования заключается в систематизации традиции *цам* в постсоветской Бурятии, существующей в двух видах — *цам* Калачакры и *цам* Докшитов, рассмотрении мировоззренческих аспектов, их современных адаптаций и особенности интерпретаций.

Для этого решаются следующие задачи: исследовать *цам* Калачакры и *цам* Докшитов как способов выражения мировоззренческих аспектов буддийского учения, рассмотреть современную обряд-

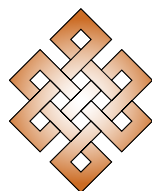
¹ Ондар И. О., Карелина Е. К. Буддизм в культуре и искусстве Тувы (на примере мистерии Цам) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–4 (38). С. 76–80; Абзаев В. М. Мистерияльный театр цам: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1990.

² Просветление (тиб. *джангчуб*) подразумевает два аспекта: избавление от *клеш* (тиб. *нёнмон*) и обретение мудрости (тиб. *шейраб*).

³ Мистерия Цам в Храме Калачакры Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) / фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет (Наланда). YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE> (дата обращения: 25.06.2024).

⁴ Липчинская О. Впервые за 80 лет в Бурятии буддисты провели мистерию [Электронный ресурс] Цам // Комсомольская правда. 2010, 17 апреля. URL: <https://www.irk.kp.ru/online/news/652221/> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ Иванов Д. В. Лекция «Мистерия Цам в Монголии и Забайкалье» [Электронный ресурс] // Музей-институт семьи Рерихов. RuTube.ru. 2020. URL: <https://rutube.ru/video/9f428f000ba44fae02b42c5715aa02f5/> (дата обращения: 10.02.2025).

ность двух цамов и особенности их исполнения и интерпретации, показать, что традиции *цам* Калачакры и *цам* Докшитов в Бурятии, несмотря на свои особенности и разные формы представления, имеют общую цель — трансформацию сознания и достижение просветления.

Рассмотрение особенностей *цам* Калачакры и *цам* Докшитов в Бурятии в условиях их современных адаптаций и интерпретаций определяют новизну исследования.

Среди работ, посвящённых исследованию традиции *цам*, прежде всего, стоит отметить труды отечественных востоковедов и буддологов А. М. Позднеева (Позднеев, 1993), Б. Б. Барадийна (Барадийн, 1909), Б. Я. Владимирцова (Владимирцов, 1923), В. П. Дьяконовой (Дьяконова, 1976), М. В. Монгуш (Монгуш, 2001, 2014), А. К. Кужугет (Кужугет, 1995). В их исследованиях *цам* освещался в основном в контексте общей характеристики буддийской обрядности и театрального действия. *Цам* упоминается в трудах Г. Ц. Цыбикова, посвященных религиозной жизни Центрального Тибета, Монголии и Бурятии (Цыбиков, 1981). Значительный вклад в исследование иконографии и ритуальных атрибутов *цам*, сохранившихся в российских музейных фондах, внесли Т. А. Пострелова (Пострелова, 1977), А. М. Решетов (Решетов, 1987), Е. А. Баторова, Э. Н. Райцанова (Баторова, Райцанова, 2023), А. И. Шинковой (Шинковой, 2019). Искусствоведческие аспекты *цам* описаны в работах Д. С. Жамсуевой, О. Лувсан (Жамсуева, Лувсан, 2019), А. А. Жигмитовой¹, И. О. Ондар, Е. К. Карелиной², В. М. Абзаева³. Реже *цам* освещался в контексте мировоззренческих аспектов (Найдакова, 1997; Молодцова, 2013; и др.⁴). Последнее объясняется тем, что *цам* часто рассматривался проявлением искаженного буддизма, смесью буддизма и шаманизма⁵. Более того, считалось, что «действия цамы не имеют никакого отношения к основам учения Будды и к философии буддизма» (Владимирцов, 1923: 99). Вместе с тем, без изучения мировоззренческих основ, составляющих ядро *цам*, это ритуальное действие выглядит как театр, как зрелище. В качестве источников, относящихся к учению тибетского буддизма, выделяются прежде всего труды основоположника гелуг Чже Цонкапы (1357–1419) «Ламрим Ченмо»⁶.

Материалами выступили два вида *цам* Бурятии, которые автор наблюдал и исследовал: *цам* Калачакры, проведенный в Дуйнхор дацане в г. Улан-Удэ в апреле 2024 г.,⁷ и *цам* Докшитов — в Сартуул — Булагском дацане Джидинского района в сентябре 2024 г.,⁸ а также видеозапись интервью с *ширээтэ* (настоятелем) ламой Дуйнхор дацана Будой Цыденовым, записанная Р. Сухоставским в 2013 г. о мистерии *цам* в Бурятии⁹.

¹ Жигмитова А. А. Мистерия Цам в современной Бурятии: этнотеатроведческие аспекты: дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 2020.

² Ондар И. О., Карелина Е. К. Буддизм в культуре и искусстве Тувы (на примере мистерии Цам) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–4 (38). С. 76–80.

³ Абзаев В. М. Мистериальный театр цам: дисс. ...канд. искусствоведения. М., 1990.

⁴ Бальжанов Ц. Д. Мистерия Цам как буддийский философский текст и ритуальное действие: дисс. ... канд. филос. н. М., 2002.

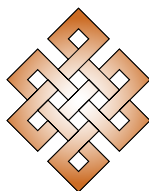
⁵ Менхен-Хелфен О. Путешествие в Азиатскую Туву // Кужугет А. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века). Кызыл, 2003. С. 203.

⁶ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кутявичус, под ред. А. Тереньева. Санкт-Петербург: Нартанг, 1994; Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. III глава. Этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кутявичус, под ред. А. Тереньева. СПб.: Нартанг, 1997; Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. II глава. Этап духовного развития средней личности / пер. А. Кутявичус, под ред. А. Тереньева. СПб.: Нартанг, 2000.

⁷ В Улан-Удэ начался Дуйнхор-хурал или «Праздник Калачакры» [Электронный ресурс] // MK.RU. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2024/04/11/v-ulanude-nachalsya-duynkhorkhural-ili-prazdnik-kalachakry.html> (дата обращения: 06.02.2025)

⁸ В одном из дацанов Бурятии впервые за 90 лет пройдет Мистерия Цам [Электронный ресурс] // MK.RU. 2024, 11 апреля. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2024/09/14/v-odnom-iz-dacanov-buryatii-vpervye-za-90-let-proydet-misteriya-cam.html> (дата обращения: 06.02.2025).

⁹ Сухоставский Р. Мистерия Цам в Храме Калачакры. (2013) Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) [Электронный ресурс] // фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ. Сохраним Тибет (Наланда). Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE> (дата обращения: 25.06.2024).

Цам Калачакры: мандала и мудры просветления

Калачакра тантра (тиб. Дуйнхор) считается вершиной ваджраяны и занимает наиболее заметное место в гелуг. Калачакра означает круг (круговорот) времени, а система Калачакры представляет три таких круговорота: внешний, внутренний и изменяющий. Объясняется, что структуры внешнего и внутреннего круговоротов схожи, подобно параллели между макрокосмом и микрокосмом, обсуждаемой в западной философии. Это означает, что сходные законы Вселенной пронизывают и атомы, и тело, и наш опыт жизни¹. Таким образом в буддизме считается, что все внешние явления и процессы (макрокосм) взаимосвязаны с телом и внутренним миром человека (микрокосм) (Молодцова, 2013: 155). Одно из центральных мест в учении Калачакра тантры занимает мандала, представляющая собой схему дворца Калачакры и диаграмму буддийского космоса в целом. Её созерцание и медитативные техники являются одним из основных способов сакрального взаимодействия, поэтому цам Калачакры представляет собой тщательно разработанный ритуал созерцания и медитации.

Целью цам Калачакры выступают призывание во дворец собрания будд и бодхисаттв в их разнообразных проявлениях для гармонизации взаимодействия внешнего и внутреннего, устранения препятствий для духовных реализаций (там же: 132).

Учения Калачакры называются тайными из-за многочисленных источников, многослойной структуры и содержания, доступных высоким учителям — перерожденцам, а посвящение в них предназначено для малого числа учеников. Но существует историческая традиция передачи посвящения Калачакры большим собраниям народа и в разных уголках мира. Так, в 2019 г. по просьбе Буддийской традиционной сангхи России в Бурятии были дарованы публичные учения и посвящения Калачакры тибетским мастером тантры Чадо Тулку Ринпоче буддистам, которые съехались не только со всей республики, но и со всей страны и зарубежья².

В Бурятии цам Калачакры входит в программу многодневной религиозной службы Дуйнхор хурала и традиционно даруется с опорой на песочную мандалу, посвященному многоликому и многоугольному идаму времени Калачакра и 722 идамам его свиты (Стрелков, 2008: 127). Статуя идама Калачакры в единении с духовной супругой находится, как правило, в Дуйнхор дацане. Он изображен в своей возбужденной ипостаси со множеством ликов и рук, основных и сопутствующих фигур и атрибутов, отвечающих различиям в наклонностях, образе мышления и способностях учеников и последователей.

Цам Калачакры подразделяется на цам сагар — исполняется перед возведением мандалы, и цам чодгар — исполняется в качестве подношения мандале и идамам.

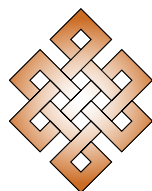
Цам сагар посвящен обряду очищения местности, испрашиванию разрешения на возведение мандалы у идама Калачакра, поддержки и благословления. После этого начинается длительная и кропотливая работа монахов по возведению песочной мандалы. Во время этого процесса все желающие могут посетить дацан, помолиться и наблюдать этот сокровенный процесс.

Цам чодгар проводится в основные дни Дуйнхор хурала и знаменует собой практику подношения мандале Калачакры. В день проведения чодгар собирается большое количество верующих с целью созерцания действия, прикосновения к таинству внешних и внутренних подношений и получения благословения Калачакры и собрания идамов. Через несколько дней мандалу разрушают согласно буддийской доктрине о непостоянстве и раздают небольшими порциями присутствующим в качестве оберега от «бед и болезней». Основную порцию развеивают над местными реками в качестве подношения нагам (санскр.) — хозяевам воды (бур. лусад).

Считается, что тантрические ритуалы и медитативные техники, связанные с мандалой и приглашением в нее просветленных существ, очищают пространство, восстанавливают баланс в природе и гармонизируют отношения между живыми существами всех миров (Жамсуева, Лувсан, 2019: 189). Особенно эти практики важны во времена упадка нравственности, экологических катаклизмов и техногенных катастроф (Монгуш, 2014: 164).

¹ Дуйнхор хурал — торжественный молебен, посвященный Калачакре, будет проведён 11, 12 и 13 мая 2025 года [Электронный ресурс] // Дацан Гунзэчойнэй 达旦根泽钦内. Страница ВК. URL: https://vk.com/wall-1142099_53232 (дата обращения: 15.06.2025).

² Сухоставский Р. Видео. В Улан-Удэ состоялись танцы чам в рамках посвящения Калачакры [Электронный ресурс] // Новости буддизма Наланда. 2019. URL: <https://savetibet.ru/2019/07/07/kalachakra.html> (дата обращения: 10.02.2025).

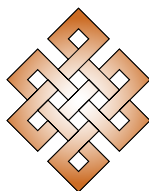
Предварительные знания, представление и визуализация собрания будд и бодхисаттв во время *цам* Калачакры способствуют получению посвящения. Важно быть «подходящими сосудами» для понимания и восприятия всех тонкостей тантрической системы. Однако, все шаги в посвящении чрезвычайно сложны, без знакомства с ними включение в процесс мысленных представлений может оказаться довольно запутанным. Возможно верующим достаточно понимание того, что дни Дуйнхор хурала — это время углублённой духовной практики, принятия обетов, особенного внимания к благотворительности и помощи всем, кто в ней нуждается.

Сегодня, несмотря на тайные тантрические церемонии, *цам* Калачакры доступен не только буддистам, но и всем тем, кому интересен буддизм. В любом случае, утверждают учителя, что «лишь при одном взгляде на мандалу очищается карма негативная и зарабатывается благая карма» (Молодцова, 2013: 153).

Для монахов высшей мотивацией для получения посвящения — оказаться способным практиковать методы Калачакры. Для верующих мирян — заложить кармические семена и получить высшее благословение *адис* Калачакры и всех идамов мандалы, благодаря чему устраняются препятствия в жизни и на пути духовной практики. Цам Калачакры (*фото 1*) характеризуется визуализацией и медитативной концентрацией ума, обладающей громадной творческой силой. Считается, что слияние умов лам исполнителей и искушенных зрителей в коллективной визуализации и медитации способно изменить окружающий мир (там же).

Фото 1. Цам Калачакры в Дуйнхор дацане, г. Улан-Удэ, Бурятия, апрель 2024 г. Фото А. Нимаевой.
Photo 1. Kalachakra tsam in Duinhor datsan, Ulan-Ude, Buryatia, April 2024. Photo by A. Nimaeva.

Обряды *цам* Калачакры исполняются ламами в специальных одеяниях с головными уборами в виде пятилепестковых лотосовых корон с образами пяти дхьяни-будд. В руках каждого из них — ваджра и колокольчик, олицетворяющие сострадание (*бодхичитта*) и мудрость понимания пустоты (*шунья*). Под звучание мантр и буддийских инструментов исполнители создают определенные фигуры движений, передающие особые значения духовной практики.

В *цам* Калачакры одними из отличительных особенностей являются мудры (ваджрные мудры) — символические жесты рук и пальцев исполнителей. Почти все мудры имеют функции и вариации: мудра защиты, мудра даяния, мудра просветления и т. д., всего включено двенадцать мудр. В тантре подчёркивается важность женского принципа, в связи с чем в танце преобладает идея женского начала, матери всех будд Праджняпарамиты, воплощающей в себе совершенную мудрость и всеведение. При этом женщины не допускались к исполнению *цам*, роли женских идамов исполнялись монахами мужчинами. Поэтому грациозность и легкость исполнения, мягкость жестов и ритуальных движений отсылают к женским божествам — тарам и дакиням, от имени которых делается подношение.

Завершающим этапом Дуйнхор хурала выступает огненная пуджа *Жинсрэг* — подношение идамам Калачакры через элемент огня. Ламы готовят 9 видов подношений: тростниковые палочки (достижения могущества), топленое масло (материальное и семейное благополучие), семена кунжута (очищение кармы), колосья проса (долголетие), рис (устранение препятствий), овес (богатство), ячмень (сиддхи, скорая реализация планов и замыслов), горох (сила, здоровье), пшеницу (устранение болезней). Верующие на этот обряд приносят подношения в виде напитков *сэржэм дээжэ*, фруктов и сладостей *далга*, топленое масло, жаренную муку *цампа*.

Буддисты считают, что созерцание мандалы Калачакры оказывает положительное воздействие на умы верующих, оставляя в них благоприятные отпечатки, способствующие накоплению хорошей кармы. Считается, что созерцание мандалы влияет на коллективную карму «страны и всех её народов, независимо от их вероисповеданий»¹.

Таким образом, *цам* Калачакры в Бурятии показывает свою востребованность в духовной жизни верующих. Для лам, исполняющих его, это способ получения посвящения для практики методов Калачакры, для мирян — возможность заложить кармические отпечатки с надеждой на лучшее перерождение. Автор приходит к выводу, что в современных условиях *цам* Калачакры приобретает особое значение, так как, согласно учению, он наделен силой гармонизации внутреннего и внешнего миров. Чем больше людей вовлечено в процесс коллективного созерцания и медитативной практики, тем больше вероятность на благополучный исход. К счастью, несмотря на тайные тантрические церемонии, *цам* Калачакры сегодня доступен не только буддистам, но и всем тем, кому интересен буддизм.

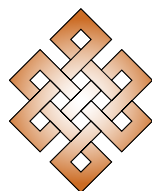
Цам Докшитов: маски и гнев как сострадание

Цам Докшитов посвящен гневным божествам буддийского пантеона и считается одним из наиболее известных видов традиции *цам* в монгольском буддийском мире. Он представляет своеобразной «визитной карточкой» религиозной жизни дореволюционной и советской Бурятии. В 1891 г. *цам* Докшитов был исполнен в честь цесаревича Николая II, посетившего Шулутский (Ацагатский) дацан во время своего путешествия на Восток², а в 1928 г. уникальные съемки этого вида *цам* в Тамчинском дацане вошли в фильм В. Пудовкина «Потомок Чингисхана» (Беляева-Сачук, Трушкина, 2022).

В основу *цам* Докшитов положены различные истории, связанные с тибетским буддизмом. Исследователи полагают, что *цам* гневных божеств впервые был исполнен тантрическим гуру и йогиним Падмасамбхавой в VIII в. (около 760–770 гг.) с целью очищения и устранения врагов учения сабдагов — сущностей, препятствовавших строительству первого буддийского монастыря Самье. Тантри-

¹ В Бурятии проведут величественный 18-дневный Дуйнхор хурал, посвящённый божеству идаму Калачакре [Электронный ресурс] // Буддийская Традиционная Сангха России. ВКонтакте. 2024, 9 апреля. URL: https://vk.com/wall-92531215_20236?w=wall-92531215_20236 (дата обращения: 25.06.2024).

² Ширээтэ Лама Шулутского дацана ГАНДАН ДАРЖАЛИН Чингис Ешиев. Шулутский дацан: возрождение субурганов и триумфальной арки по инициативе казаков [Электронный ресурс] // Буддийская Традиционная Сангха России. 2016, 11 мая. URL: <https://sangharussia.ru/hurals/shulutskij-datsan-vozrozhdenie-suburganov-i-triumfalnoj-arki-po-initsiative-kazakov> (дата обращения: 02.02.2025).

ческая мощь Падмасамбхавы была направлена не только для умирения сабдагов, но и для подчинения и склонения их на сторону Дхармы (Pearlman, 2002: 17–18; Khanna, Reddy, 2017¹).

Существует легенда о тибетском правителе Ландарм (841–901 гг.), яром противнике буддизма, разрушавшем монастыри. Согласно ей, один из монахов, пустившись в ритуальный танец, внезапно выхватил из широких рукавов лук со стрелой и поразил правителя. Таким образом, враг буддийской веры был повержен, с тех пор одна из идей *цам* заключается в победе над врагом буддийского учения², а широкие рукава персонажей *цам* Докшитов до сих пор символизируют тайное оружие против врагов буддизма.

В центре *цам* Докшитов находятся гневные защитники и покровители учения (бур. *сахюусан*), отчаянный гнев которых направлен против вредоносных сущностей, препятствующих буддийской вере и практике. В тантрическом буддизме они называются гневными идами, воплощающими свирепые и ужасающие формы самих будд и бодхисаттв, «ибо тот порок, который нельзя искоренить любовью и состраданием, лечится гневом» (Молодцова, 2013: 126). Гневные маски защитников учения становятся главным атрибутом *цам* Докшитов. Маски *цам* создавались на основе ваджраянской иконографии и являются главными составляющими визуальной, действенной и смысловой содержательности. Эти маски не только символизируют мощь и бесстрашие, но и служат средством духовной трансформации лам исполнителей *цам* и тех, кто его наблюдает.

Цам сопровождается звуками духовых и ударных буддийских инструментов, в общем потоке которых угадываются звуки *дункар*, *дунчен*, *гьялинг* и др. (Аякова, 2024: 97). Хотя сочетание звуков этих инструментов не отличается мелодичностью, но, как утверждают посвященные, они являются аналогами естественных звуков, которые человек может услышать в собственном теле, если закроет пальцами уши, чтобы перекрыть все внешние шумы. Так, можно услышать «глухой мерный звук, похожий на бой большого барабана, лязгающий звук, похожий на звук тарелок...»³. Звуки *цам* создают особую атмосферу для каждого персонажа *цам*, раскрывая особый посыл ритуального действия и усиливая их значение. Как верно замечено, устрашающие звуки инструментов *цам* верующими воспринимались священными и были привычны с детства, но совсем неоднозначно воспринимались представителями иной культуры (Кужугет, 1995: 98).

Таким образом, идамы обладают не только мирным, но и гневным аспектом. Гнев Докшитов — это ваджрный гнев, искусное средство *упая*, с помощью которого учитель ведет ученика к просветлению. Согласно буддистам, привычные представления о природе реальности, основанные на внешнем, грубом уровне восприятия явлений сложно изменить, и только безжалостный гнев защитников учения могут разрушить наивность восприятия внешнего и обратить взоры на внутренний потенциал. Чем страшнее облик идамов, тем добрее оно к людям и тем выше его сострадательность, а молитвы, обращенные к ним, помогают быстрее.

Гневный аспект идамов олицетворяет мудрость *праджня*, решительность и силу человека в его борьбе с внутренними омрачениями, известными как *клеши ума* (тиб. *нёнмон*), среди которых главными выступают шесть клеш — страсть (*додчаг*), злость (*конто*), гордыня (*аржал*), неведение (*маригба*), сомнение (*тэцом*), неправильные взгляды (*логда*)⁴. Гнев идамов — это «резкая откровенность природы праджня и сострадания, которая может показаться безжалостной, выбивающей человека из рутины жизни, но ведущей к осознанию подлинной реальности»⁵. Их гневные образы, запечатленные в умах верующих, должны напоминать о кармической ответственности и предостерегать их от неблагих поступков. Важно помнить, что гнев Докшитов олицетворяет внутренний гнев человека в борьбе со своим невежеством, но не внешнее проявление обычного гнева в отношении окружающих, одного из основных клеш, отягчающих карму.

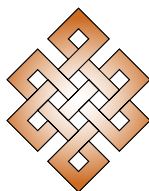
¹ Khanna D., Reddy J. Vajra Nrithyam Dance as a Movement of Meditation. 2017 URL: https://www.researchgate.net/publication/344327778_Vajra_Nrithyam_Dance_as_a_Movement_of_Meditation (дата обращения: 20.05.2024)

² Шастина Н. П. Религиозная мистерия *цам* в монастыре «Дзунхуре» // Современная Монголия. 1935. № 1. С. 92–113.

³ Тибетская книга мертвых. Бардо Тхёдол. М.: АСТ, 2018. С. 373–374.

⁴ Дымбрыл лама. Сэмжун. Ментальные факторы. Думта. Комментарий к труду «Драгоценное ожерелье учений философских школ. Улан-Удэ: Номад, 2023. С. 29–48.

⁵ Тругпа Ч. Преодоление духовного материализма М.: Открытый мир, 2009. С. 229.

С 2011 г. в Бурятии ежегодно проводится *цам* Докшитов или *Чойжал цам*, по имени главного персонажа — владыки смерти и хранителя учения Чойжал. Главная функция Чойжал сахюусана (царя и защитника Дхармы) — напоминание верующим о том, что необходимо неустанно заниматься практикой учения, так как смерть может наступить в любой момент. В Ламрime сказано: «Владыка смерти никому не друг, и он всегда внезапно нападает. Поэтому не медли, говоря, мол, буду завтра следовать Учению, — но тотчас же все силы прилагай!»¹ Несмотря на устрашающие персонажи и действие, *цам* Докшитов привлекает большое число верующих, приходят семьями с детьми. Это свидетельствует о том, что он занимает важное место в духовной жизни буддистов республики, а его проведение собирает верующих со всех уголков региона.

Цам Докшитов может проводиться в разных дацанах. Так, в сентябре 2024 г. он состоялся в Сартуул-Булагском дацане Джидинского района Бурятии, на котором присутствовал автор.

К обряду *цам* Докшитов ламы готовились заранее: в течение трех дней проводились хуралы в дацане, шли подготовительные практики для успешного проведения *цам*. В день исполнения *цам* собралось множество зрителей и верующих с подношениями *далгаа*. Перед началом *цам* настоятель *ширээтэ* Дуйнхор дацана лама Буда Цыденов дал краткое объяснение присутствующим, раскрыл смысл и значение ритуального действия, призывая верующих воспринимать происходящее не как театральное представление, а как глубокое вероучение. Именно поэтому аплодисменты запрещены. Весь *цам* сопровождался мантрами и звуками буддийских инструментов.

Буда лама объяснял верующим:

«Все присутствующие получают благословение божеств для устранения препятствия в своей жизни, привлечения благой энергии *адис*, нужна искренняя вера *сузэг* в могущество происходящего. Вера — мощный источник реализации всех благих планов и исполнения желаний. Чем больше искренней веры, тем больше *адис* для своего блага и блага близких»².

Главным персонажем *цам* Докшитов выступал Чойжал сахюусан — Владыка смерти (*бур. Эрлик Номун Хан*) в маске буйвола с тремя свирепыми глазами, пронизывающими прошлое, настоящее и будущее (*фото 2*). Чойжал сахюусан является гневным аспектом будды мудрости Манджушри. Он отвечает за перерождение земных существ, на нём — украшения из черепов, а в руках держит атрибуты — жезл в форме человеческого скелета и черный аркан, напоминающий о том, что ни один человек не избежал встречи с Владыкой смерти. Его танец напоминает, что жизнь на земле подобна вспышке молнии — настолько она коротка и быстротечна. Поэтому необходимо ценить каждое мгновение этой жизни, наполняя его учением и духовной практикой для лучшего перерождения.

Для плодотворной практики буддийского учения необходимо памятовать о смерти: «...склонность верить, что не умрешь, — дверь всякого упадка, а ее противоположность — памятование о смерти — дверь всего благополучия»³. Смерть в буддизме рассматривается как важный этап на пути к духовному развитию. Согласно учению смерть это состояние *бардо* — перехода сознания *алаявиджняна* к следующему кармическому состоянию своего существования⁴. Практика памятования о смерти призвана помочь осознать преходящий характер и более осознанно относиться к жизни, которая рассматривается буддистами как драгоценность из-за возможности практиковать буддийское учение. Важно понимать, что размышления о смерти не должны восприниматься как источник подавленности. Напротив, они могут стать ключом к осознанию быстротечности жизни, а время — это драгоценный ресурс для изучения и практики учения. «Время проводят в сонливости, вялости, пустых разговорах, в еде, питье и прочих праздных занятиях, поэтому усердной, правильной практики не получают»⁵. Поэтому *Чойжал сахюусан* в порыве танца каждым своим движением и взглядом напоминает о необходимости усердной практики и дарует всем живым существам благословение *адис*.

¹ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 191.

² Мистерия Цам Чойжал сахюусана г. Улан-Удэ 24 сентября 2022 г. часть 1 [Электронный ресурс] // Буда Жимбеев. Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3H6lKX0H6Gk> (дата обращения: 25.06.2024).

³ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 175.

⁴ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. II глава. Этап духовного развития средней личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2000. С. 72.

⁵ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 172.

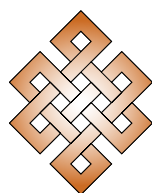
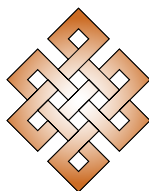

Фото 2. Чойжал — защитник Учения. Цам Докшитов в Сартуул — Булагском дацане Джидинского района Бурятии.
Сентябрь, 2024 г. Фото Ж. Аяковой.
Photo 2. Choizhal is a defender of the Doctrine. Dokshitov tsam in the Sartul-Bulag datsan of the Dzhidinsky district of Buryatia.
September 2024 Photo by Zh. Aiakova.

Чойжал сахюусан предстает в сопровождении персонажей в масках оленей, символизирующих готовность воспринимать и понимать Дхарму. Олени отличаются своим тонким слухом, и согласно легенде, именно они были одними из первых слушателей учения Будды Шакьямуни. Не случайно их фигуры по обе стороны от Дхармачакры (восьмеричного колеса Дхармы) украшают вход в каждый буддийский храм.

Друг за другом на арене Цам появляются защитница и покровительница Учения Балдан Лхамо, гневный аспект Тары, Жамсаран сахюусан — защитник воинов, в руках держат ритуальную чашу *габала* в виде человеческого черепа и кинжал *пурбо*. В руках покровительствующих идамов эти атрибуты являются символом и оружием духовной трансформации и выражением гневного аспекта сострадания.

Отдельная сцена посвящена хозяевам кладбищ — *хохимой* (монг., букв. череп, скелет) в костюмах, изображающих скелеты. Они помогают существам в низших мирах обрести лучшее перерождение и напоминают о непредсказуемости смерти. В Ламримае, в части о непредсказуемости смерти, говорится: «Условий смерти много; условий жизни мало...»¹. Время наступления смерти не определено и часто внезапно, люди умирают от несчастных случаев, аварий, убийств, самоубийств и т. д. Созерцая *хохимой*, верующим предлагается мысленно обратиться к усопшим родственникам и близким с пожеланиями лучшего перерождения. Главная функция *хохимой* — охрана кладбищ и мест погребений, а также защита тантриков, практикующих в таких местах. Поэтому у бурят не принято ходить на кладбище, чтобы не нарушить покой и не препятствовать благому перерождению.

В действе *цам* Докшитов особое внимание привлекает персонаж Белого Старца (бур. *Сагаан Убгэн*). Для одних он предстает глубоким, немощным старцем, который с трудом, но с почтением простирается перед Тремя драгоценностями: Буддой, Дхармой и Сангхой. Однако для искушенных зрителей Белый старец представляет собой воплощение будды сострадания Авалокитешвары (бур. *Арьябала*). Его значение и функции подробно описаны в «Сутре Белого Старца»², которая была создана «для утверждения культа Белого старца в многочисленном ряду местных защитников, давших клятву защищать буддизм и его последователей» (Бичеев, Алтан-Очир, 2021: 176). В Сутре повествуется встреча Белого Старца с Буддой, где он представляется хозяином неба и земли, господином всех живых существ, покровителем Учения, обладателем знания заслуг и благодеяний людей, ведающим их сроком жизни, дарителем богатства и благополучия, порицателем за не почитание родителей и жестокость, неуважение к Трем драгоценностям и т. д.³

Белый старец как мирское существо демонстрирует все виды сансарического страдания: старость, болезни, желание, страсть. Сцена переедания пищи старцем символизирует клеши страдания, немощность в практике и приближение смерти. Но глубокая вера в Три Драгоценности поддерживает Белого старца и дает ему силу на последнюю схватку с клешами своего ума, воплощенных в образе тигра. Схватка завершается победой Белого старца, демонстрирующей пример духовных достижений в неустанной борьбе с клешами и обретения мудрости.

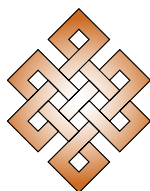
На завершающих этапах Цам появляются десять персонажей в черных шляпах — *шанаги*. Черные *шанаги* — гневные аспекты бодхисаттв и йогинов тайной тантры. В их руках атрибуты беспощадной борьбы с врагами Учения — *габала* и тантрический кинжал *пурбо* — символы уничтожения клеш и неведения.

Цам завершается выходом духовной супруги Чойжал *Замунди*, символизирующей собрание женских идамов Зеленой Тары, Балдан Лхамо и Янжимы. В её руках трезубец — символ очищения ума, речи и тела. В конце *цам* все персонажи предстают перед зрителями, преподносят свои духовные подвиги в качестве золотого нектара *сэргэм* — подношения Трем Драгоценностям. За финальной церемонией скрыто таинство выноса и сожжения *сора* — трехгранной пирамиды, украшенной языками пламени и увенчанной изображением человеческого черепа. *Сор* наделяется могущественной разрушительной силой посредством предварительной закрытой службой лам, сжигающей врагов буддийского учения (Молодцова, 2013: 144).

¹ Там же. С. 190.

² «Сутра Белого Старца» на «ясном письме»: исследование, перевод, транслитерация, комментарии, факсимиле / под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой. М.: Наука, Вост. лит., 2023.

³ Там же. С. 321–323.

Количество персонажей *цам* Докшитов составило 22 человека. Это намного меньше традиционных 78 персонажей, участвовавших в ежегодном *цам* Гусиноозерского (Тамчинского) дацана до 1931 г. Такая разница происходит за счет сокращения числа второстепенных божеств, входивших в свиту Докшитов (Найдакова, 1997: 2).

Существует мнение, что *цам* претерпевает некоторую трансформацию в контексте современности и взаимодействия различных культур, превращается в театральное представление для любопытствующих и туристов, негативно влияющее на чистоту традиции (Schrempf, 1997: 92–96). Однако, авторитетные ламы утверждают, что в буддийских регионах *цам* возрождается в соответствии с мировоззренческими канонами, понятными не только для монахов, но и для верующих¹.

Мирянам *цам* обычно представляется зрелищем для «отпугивания злых духов», им не видится больше, чем внешнее действие. Для них достаточна информация, лежащая на поверхности: имена божеств в масках, название атрибутов, одежды и реквизита. Им будет «рассказано лишь то, что сочтут подходящим для восприятия непросветленного ума собеседника» (Молодцова, 2013: 125, 134).

Сегодня присутствующим на обряде *цам* объясняются мировоззренческие аспекты, символика и значение, важность созерцания и проникновения в суть действия для благоприятных условий, способствующих накоплению заслуг и укреплению духовной практики. Тем не менее, *цам* остается «многопорядковой, многослойной, раскрывающейся по-разному для разных кругов зрителей и самих участников мистерии, по уровню их сознания» (Найдакова, 1997: 16).

Возможно ли говорить о полноценности *цам* в современное время? Автор приходит к выводу, что возможно. Во-первых, это, несомненно, религиозные ритуальное действие, исполняемое ламами, с проведением важных обрядов *сэржэм* и сжигания *сора*, во-вторых, в преддверии *цам* проводятся многодневные службы *хуралы*, в-третьих, традиция *цам* в Бурятии была восстановлена согласно передаче учения посвященных тибетских учителей и их наставничеству.

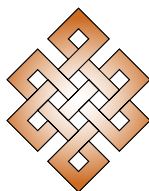
Цам как метод, путь и трансформация

Цам Калачакры и *цам* Докшитов, как и в целом буддийское учение, выступают практическими методами, основанными на синтезе знаний, представлений, наглядности и анализе информации и опыта, ориентированными на внутреннюю работу и постепенное развитие качеств, способствующих трансформации сознания и преодолению привычного восприятия. Традиция *цам* представляет собой живое выражение важнейших постулатов буддийского учения о пустоте и сострадании, карме и перерождении. Костюмы, маски, атрибуты, мантры, звуки буддийских инструментов, ритуальные жесты и движения образуют неразрывное единство исполнения церемониалов. Если *цам* Калачакры представляет собой созерцательный аспект буддийской практики, использующий глубинные методы визуализации и медитации, то *цам* Докшитов выражает активный гневный аспект буддийской практики, усиливающий мотивацию к внутренним трансформациям.

Цам Калачакры и *цам* Докшитов как методы буддийского учения ориентированы на трансформацию обыденного сознания, выход за рамки привычного видения и осознание принципов кармической ответственности. Их внешняя атрибутика и внутренние техники являются средством выражения буддийской практики и способом достижения особых состояний, необходимых для реализации духовных постижений. Поэтому изначально учение и церемонии *цам* были скрыты от посторонних глаз. Путешественники и ученые, наблюдавшие *цам* в монастырях Тибета и Монголии, не скрывали того, что им не удалось проникнуть в его содержание, отмечая, что в беседах с ламами ощущалась тщательно охраняемый от посторонних внутренний смысл ритуала. «Изучить *цам*, раскрыть его сущность, понять значение его символов и магических действий невозможно, т. к. учение окутано глубокой тайной»².

¹ Мистерия Цам в Храме Калачакры Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) / фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет (Наланда). YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE> (дата обращения: 25.06.2024).

² Шастина Н. П. Религиозная мистерия цам в монастыре «Дзунхуре» // Современная Монголия. 1935. № 1. С. 92–93.

Одно из значений *цам* — воспитание мирян в духе буддийского учения, памятования о неизбежности смерти и неустанной практики, подразумевающей избавление от ментальных пороков и внутреннюю трансформацию. Клеши лежат в основе порочных деяний и их последствий, а для их искоренения необходимы решительность и памятование, которые, в свою очередь, также сложно зародить. Гневные маски *цам* отчасти решают эту проблему внушением религиозного страха, ориентирующего последователя в нравственном пространстве и кармической ответственности.

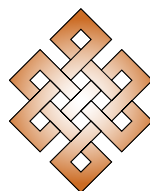
Лама Цонкапа анализирует страх смерти с точки зрения его пользы и вреда. Для практикующих памятование о смерти страх служит защитой и мотивацией для развития благих качеств с целью благого перерождения. «Вот если думать о [смерти] с таким страхом, то осуществляем те [цели] и поэтому в смертный час не будем бояться»¹. В других случаях страх смерти является парализующей силой, влияющей на реакции и поведение человека с негативными последствиями: «смерти бояться следует лишь тем, кто не подготовился к следующей жизни — не покончил с причинами дурной участи и не сотворил причин высокого положения и подлинного блага»². Сознание буддиста, пронизанный учением и его образами, мирными или гневными, становится спасением перед лицом смерти, остальное — бесполезно, наставляет Лама Цонкапа.

Фото 3. Маска из Монголии Жамсаран сахюусан на домашнем алтаре. Май, 2025 г. Фото Ж. Аяковой.
Photo 3. The mask of Zhamtsaran sahyuusan from Mongolia on the home altar. May 2025 Photo by Zh. Aiakova.

¹ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 176.

² Там же.

Поэтому на домашних алтарях верующих встречаются фигурки или уменьшенные маски *цам* как напоминание о неустанной практике учения (*фото 3*).

Традиция *цам* порождает множество функций, среди которых можно выделить три основные:

— первая — достижение просветления, для участвующих монахов «посредством медитации и созерцания», а для присутствующих верующих посредством приобретения глубоких впечатлений в сознании;

— вторая — усмирение *сабдагов* и врагов Учения, включение их в буддийский пантеон (Молодцова, 2013: 126, 130);

— третья — подготовка верующего к смерти, переходу в состояние *бардо* (Молодцова, 2013: 188).

Последняя связана с процессом умирания, переходом в промежуточное состояние между смертью и следующим перерождением, в котором просветленные сущности могут принимать гневные, устрашающие формы, чтобы защитить сбивших с толку существ и помочь им. Свирепые идамы *цам* должны восприниматься верующими как будды и бодхисаттвы при жизни, чтобы не «испугаться» их перевоплощений в состоянии *бардо* и не обрушиться от страха в худшие миры¹.

Персонажи, образы и элементы ритуала *цам* служат средствами для выражения абстрактных концепций, связывающими сакральное с профанным. Поэтому *цам* называют «мостом между миром просветленных существ и миром людей»². Мировоззренческие аспекты *цам* способствуют преодолению ограничивающих представлений, препятствующих достижению духовных целей. Эти аспекты не исчерпывают полного спектра философии *цама*, их понимание может существенно различаться в зависимости от конкретной традиции, школы и конкретных практикующих.

Заключение

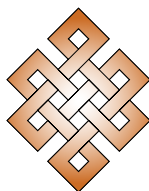
Цам Калачакры и *цам* Докшитов, как и традиция *цам* в целом, выступают практическими методами, основанными на синтезе знаний, представлений, наглядности и анализе информации и опыта, ориентированными на внутреннюю работу и преобразование отрицательных человеческих качеств в духовные заслуги. Традиция *цам* представляет собой живое выражение важнейших постулатов буддийского учения о пустоте и сострадании, карме и перерождении. Костюмы, маски, атрибуты, мантры, звуки буддийских инструментов, ритуальные жесты и движения образуют неразрывное единство религиозной практики и обнаруживают связь с каноническими текстами. Тантрические практики предлагают немедленный эффект посредством единства противоположных начал: мирного и гневного, пассивного и активного, созерцательного и возбужденного, способствующих постижению недвойственности и очищению глубоко укоренившихся привычных представлений.

Сценарии *цам* вполне поддаются описаниям, однако их суть, как и любого тантрического учения, остается достаточно скрытой. Тем не менее, содержание *цам* не упрощается, но адаптируется и формулируется в контексте современных реалий. Сложность восприятия смысла и действия *цам* обусловлена, прежде всего, уровнем подготовки последователей. Разумеется, полный текст *цам* предназначен и доступен лишь монахам, но частичные практики возможны и для мирян, будь то созерцание мандалы в *цам* Калачакры или опыт религиозного страха в *цам* Докшитов. Публичность *цам* способствует его распространению, ретрансляции и сохранению ценностей буддийской традиции, пониманию его учения и укреплению веры. В целом *цам* воспринимается верующими как величественный обряд, посвященный торжеству будд и бодхисаттв, участие в котором обещает благословение и духовные заслуги. *Цам* призван помочь верующим понять принципы буддийского учения и совершенствовать свои повседневные практики.

Цам Калачакры и *цам* Докшитов в Бурятии сохраняют свои мировоззренческие основы и, несмотря на свои особенности и разные формы представления, имеют единый путь и общую цель — трансформация сознания и достижение просветления. Не зря сегодня в научном мире феномен созна-

¹ Тибетская книга мертвых. Бардо Тхёдол. М. : АСТ, 2018. С. 224–225.

² Сухоставский Р. Мистерия Цам в Храме Калачакры. (2013) Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) [Электронный ресурс] // фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ. Сохраним Тибет (Наланда). Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE> (дата обращения: 25.06.2024).

ния рассматривается и с буддийской точки зрения, проводятся исследования совместно с буддийскими монахами, посвященные его различным состояниям, в том числе и посмертным (Белимова, 2023; Медведев, Бойцова, Бубеев, 2022). Предстоит пройти множество научных лабиринтов, но курс на укрепление нравственного стержня посредством учений создает оптимистическую перспективу. Традиция *цам* заставляет задуматься о страданиях всех живых существ и развитии сострадания к ним — главного постулата махаяны, на фоне которых наши собственные страдания становятся менее значимыми. В этом смысле она достигает своей высшей цели — развитие безграничного сострадания, ведущей к буддийской мудрости. В современном мире традиция *цам* как живое учение, которое вдохновляет и побуждает к поиску внутренних трансформаций, продолжает жить благодаря усилиям буддийских учителей, лам, дацанов и верующих.

Очевидно, что *цам* Калачакры и *цам* Докшитов одинаково востребованы в бурятском обществе, а значит их нравственный потенциал будет развиваться и открываться всем, кому интересны буддийское учение и его традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аякова, Ж. А. (2024) Практика Цам как буддийское искусство // Буддийская культура и искусство в ракурсе современности: сборник трудов конференции / отв. ред. Е. Ю. Перова. Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный институт культуры. 180 с. С. 95–99.

Барадийн, Б. Б. (1909) Цам Миларайбы (Из жизни в Лавране). СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние). 162 с.

Баторова, Е. А., Райцанова, Э. Н. (2023) Маски мистерии Цам из собрания Кяхтинского краеведческого музея имени В. А. Обручева: к проблеме атрибуции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 63. С. 148–159. DOI: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2023-63-148-159>

Белимова, В. С. (2023) Диалог между буддизмом и наукой: от трудных вопросов о сознании — к изучению феномена посмертной медитации «тукдам» // Идеи и идеалы. Т. 15. № 4–2. С. 254–281. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-254-281>

Беляева-Сачук, В. А., Трушкина Е. Ю. (2022) Бурятский буддизм в советском этнографическом кино 1920–1930-х годов // Исторический курьер. № 5 (25). С. 116–129. DOI: <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-9>

Бичеев Б. А., Алтан-Очир (2021) Культ Белого старца (монгольские тексты из Тувы) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 174–187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>

Владимирцов, Б. Я. (1923) Тибетские театральные представления // Восток / ред. кол.: В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов. М. ; СПб. : Всемирная литература. Кн. 3. 212 с. С. 99–107.

Дьяконова, В. П. (1971) Цам у тувинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук / отв. ред. Л. П. Потапов, С. В. Иванов. Л. : Наука. Т. 27. 299 с. С. 113–129.

Жамсуева, Д. С., Лувсан, О. (2019) Ритуальные аспекты мистерии Цам в бурятских дацанах // Власть. Т. 27. № 3. С. 189–193. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6443>

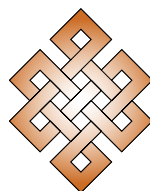
Жигмитова, А. А. (2017) Эволюция мистерии Цам в театрализованное действо // Вестник культуры и искусств. № 1 (49). С. 135–140.

Жуковская, Н. Л. (2013) О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. М. : Ориентология. 480 с.

Кужугет, А. К. (1995) Цам в Туве // Ученые записки : сборник статей / отв. ред. Ч. М. Доржу Кызыл : Типография Госкомитета по печати и информации Республики Тыва. 201 с. С. 93–101.

Лобсанг, Т., Карелина, Е. К., Адыгбай, Ч. О. (2021) Об искусстве и музыкальной традиции буддизма в Туве // Тува в буддийском мире: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, Кызыл, 28 сентября 2021 года / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 112 с. С. 103–110.

Медведев, С. В., Бойцова, Ю. А., Бубеев, Ю. А., Кокурина, Е. В. (2022) Буддийский тибетский феномен «тукдам» как объект исследования для получения новых знаний в интегративной физиологии Организационные и методологические аспекты // Интегративная физиология. Т. 3. № 4. С. 402–410. DOI: <https://doi.org/10.33910/2687-1270-2022-3-4-402-410>

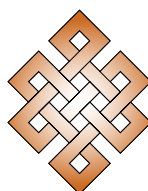
- Молодцова, Е. Н. (2013) Тибет: сияние пустоты. М. : Новый Акрополь. 312 с.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Монгуш, М. В. (2014) Таинственная Шамбала: реальность без вымысла // Новые исследования Тувы. № 2. С. 158–167.
- Найдакова, В. Ц. (1997) Буддийская мистерия ЦАМ в Бурятии. Улан-Удэ : БИОН СО РАН. 39 с.
- Позднеев, А. М. (1993) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 512 с.
- Пострелова, Т. А. (1977) О ламаистских масках мистерии цам // Государственный музей искусства народов Востока / Научные сообщения. Вып. IX / отв. ред. А. М. Высоцкий. М. : Наука, ГРВЛ. 190 с. С. 97–104.
- Решетов, А. М. (1987) Монгольский цам по коллекциям МАЭ // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ / отв. ред. А. М. Решетов. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ие. 173 с. С. 121–136.
- Стрелков, А. М. (2008) Буддийское учение Калачакра: источники, структура, содержание // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 9. № 1. С. 114–132.
- Сундуй, Д. М. (2014) Хореографическая пластика в буддийско-ламаистских мистериях цам // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 40. С. 62–72.
- Цендина, А. Д. (2018) «История цама в монголии» — сочинение настоятеля монастыря гандан габджу Эрдэни-пэла // Oriental Studies. Т. 11. № 3 (37). С. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-61-67>
- Цыбикив, Г. Ц. (1981) Избранные труды : в 2 т. Новосибирск : Наука. Т. 2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. 240 с.
- Шинковой, А. И. (2019) Цам-хурал. История, традиция и особенности буддийской праздничной мистерии. Костюмы и маски цама в собрании ИОКМ // Краеведческие записки : сборник статей / редкол.: С. Г. Ступин и др. Иркутск : Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук. 135 с. С. 5–29.
- Pearlman, E. (2002) Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions. Rochester : Inner Traditions. 192 p.
- Schrempf, M. (1997) From “Devil Dance” to “World Healing”: Some representations, Perceptions and Innovations of contemporary Tibetan Ritual Dances // Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Ed. by F. J. Korom. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 119 p. P. 91–103.

Дата поступления: 11.02.2025 г.

Дата принятия: 02.07.2025 г.

REFERENCES

- Aiakova, Zh. A. (2024) Tsam practice as Buddhist art. In: Perova E. Yu. (ed.) *Buddhist Culture and Art in the Perspective of Modernity: Conference Proceedings*. Ulan-Ude, East Siberian State Institute of Culture. 180 p. Pp. 95–99. (In Russ.)
- Baradiin, B. B. (1909) *Tsam of Milarepa (From Life in Lavran)*. St. Petersburg, V.F. Kirshbaum Printing House (branch). 162 p. (In Russ.)
- Batorova, E. A. and Raytsanova, E. N. (2023) Masks of the Tsam mystery from the collection of the Kyakhta Regional Museum named after V. A. Obruchev: on the problem of attribution. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 63, pp. 148–159. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2023-63-148-159>
- Belimova, V. S. (2023) Dialogue between Buddhism and science: From difficult questions about consciousness to the study of the phenomenon of posthumous meditation ‘tukdam’. *Idei i idealy*, vol. 15, no. 4–2, pp. 254–281. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-254-281>
- Belyaeva-Sachuk, V. A. and Trushkina, E. Yu. (2022) Buryat Buddhism in Soviet ethnographic film of the 1920s — 1930s. *Istoricheskii kuryer*, no. 5(25), pp. 116–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-9>
- Bicheev, B. A. and Altan-Ochir (2021) The cult of the White Old Man (Mongolian texts from Tuva). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 174–187. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9>
- Vladimirtsov, B. Ya. (1923) Tibetan theatrical performances. In: Alekseev V. M., Vladimirtsov B. Ya., Krachkovskiy I. Yu., Oldenburg S. F., Tikhonov A. N. (eds.) *East*. Moscow; St. Petersburg, World Literature. Book 3. 212 p. Pp. 99–107. (In Russ.)
- Diakonova, V. P. (1971) Tsam among the Tuvinians. In: Potapov L. P., Ivanov S. V. (eds.) *Religious Beliefs and Rites of the Peoples of Siberia in the 19th — Early 20th Centuries*. Proceedings of the Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. Leningrad, Nauka. Vol. 27. 299 p. Pp. 113–129. (In Russ.)

- Zhamsueva, D. S. and Luvsan, O. (2019) Ritual aspects of the Tsam mystery in Buryat datsans. *Vlast'*, vol. 27, no. 3, pp. 189–193. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6443>
- Zhigmitova, A. A. (2017) Evolution of the Tsam mystery into a theatrical action. *Vestnik kultury i iskusstv*, no. 1 (49), pp. 135–140. (In Russ.)
- Zhukovskaya, N. L. (2013) *On Buddhism and Buddhists. Articles from different years. 1969–2011*. Moscow, Orientologiya. 480 p. (In Russ.)
- Kuzhuget, A. K. (1995) Tsam in Tuva. In: Dorzhu Ch. M. (ed.) *Scholarly Notes: Collected Articles*. Kyzyl, State Committee for Printing and Information of the Republic of Tuva. 201 p. Pp. 93–101. (In Russ.)
- Lobsang, T., Karelina, E. K. and Adygbay, Ch. O. (2021) On art and musical tradition of Buddhism in Tuva. In: Mongush E. D. (ed.) *Tuva in the Buddhist World: History and Modernity*. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Kyzyl, 28 September 2021. Kyzyl, Tuva State University. 112 p. Pp. 103–110. (In Russ.)
- Medvedev, S. V., Boitsova, Yu. A., Bubeev, Yu. A. and Kokurina, E. V. (2022) The Buddhist Tibetan phenomenon ‘tukdam’ as an object of research for obtaining new knowledge in integrative physiology: Organizational and methodological aspects. *Integrativnaya fiziologiya*, vol. 3, no. 4, pp. 402–410. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33910/2687-1270-2022-3-4-402-410>
- Molodtsova, E. N. (2013) *Tibet: The radiance of emptiness*. Moscow, Novy Akropol. 312 p. (In Russ.)
- Mongush, M. V. (2001) *History of Buddhism in Tuva (second half of 6th — end of the 20th century)*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.)
- Mongush, M. V. (2014) Mysterious Shambhala: Reality without fiction. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 158–167. (In Russ.)
- Naydakova, V. Ts. (1997) *Buddhist Mystery Tsam in Buryatia*. Ulan-Ude, BION SB RAS. 39 p. (In Russ.)
- Pozdneev, A. M. (1993) *Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in connection with their attitude toward the people*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 512 p. (In Russ.)
- Postrelova, T. A. (1977) On lamaist masks of the Tsam mystery. In: Vysotsky A. M. (ed.) *State Museum of Eastern Peoples' Art / Scientific Reports*. Issue IX. Moscow, Nauka, GRVL. 190 p. Pp. 97–104. (In Russ.)
- Reshetov, A. M. (1987) Mongolian Tsam based on the collections of MAE. In: Reshetov A.M. (ed.) *Korean and Mongolian Collections in the Collections of MAE*. Leningrad, Nauka, Leningrad branch. 173 p. Pp. 121–136. (In Russ.)
- Strelkov, A. M. (2008) Buddhist teaching of Kalachakra: Sources, structure, content. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, vol. 9, no. 1, pp. 114–132. (In Russ.)
- Sunduy, D. M. (2014) Choreographic plasticity in Buddhist-Lamaist Tsam mysteries. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii*, no. 40, pp. 62–72. (In Russ.)
- Tsendina, A. D. (2018) ‘History of Tsam in Mongolia’— a composition by the abbot of Gandan Monastery Gabju Erdenipel. *Oriental Studies*, vol. 11, no. 3(37), pp. 61–67. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-61-67>
- Tsybikov, G. Ts. (1981) *Selected Works*: in 2 vols. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. On Central Tibet, Mongolia and Buryatia. 240 p. (In Russ.)
- Shinkovoy, A. I. (2019) Tsam-khurul. History, tradition and features of the Buddhist festive mystery. Tsam costumes and masks in the collection of IOKM. In: Stupin S. G. et al. (eds.) *Local History Notes: Collection of Articles*. Irkutsk, Institute of Geography named after V. B. Sochava, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 135 p. Pp. 5–29. (In Russ.)
- Pearlman, E. (2002) *Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions*. Rochester, Inner Traditions. 192 p.
- Schrempf, M. (1997) From “Devil Dance” to “World Healing”: Some representations, Perceptions and Innovations of contemporary Tibetan Ritual Dances. In: *Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies*. Ed. by F. J. Korom. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 119 p. Pp. 91–103.

Submission date: 11.02.2025.

Acceptance date: 02.07.2025.